

Нормативно-правовой и правоприменительный аспекты дефинирования понятия традиционных семейных ценностей

Д. С. Петренко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Regulatory and Law Enforcement Aspects of Defining the Concept of Traditional Family Values

D. S. Petrenko

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Аннотация

В статье анализируются отдельные проблемные вопросы правового дефинирования понятия традиционных семейных ценностей, основные подходы к выявлению сущности и раскрытию содержания этого словосочетания и обозначаемого им явления в современном российском праве. На основе рассматриваемого в статье теоретического и законодательного материала, а также судебной практики делается вывод о том, что понятие традиционных семейных ценностей, изначально имевшее сугубо идеологическую, пропагандистскую, политическую коннотацию, после его включения в текст Конституции Российской Федерации прочно вошло в российский юридический дискурс. Установлено, что отсутствие закрепленной в законе дефиниции традиционных семейных ценностей, недостаточность и противоречивость попыток определений этого понятия в российском праве, с одной стороны, осложняет решение многих теоретических и прагматических задач, в том числе вносит элемент неопределенности в правоприменительную практику. С другой стороны, такая правовая неопределенность создает возможности для систематического толкования данной «каучуковой» формулировки в целях противодействия деструктивному влиянию нетрадиционных моделей социального поведения на принятые в российском обществе нормы семейной морали.

Ключевые слова: семья, ценность, традиция, консерватизм, новеллы Конституции Российской Федерации.

Abstract

The article analyzes some problematic issues of legal definition of the concept of traditional family values, the main approaches to identifying the essence and disclosure of the content of this phrase and the phenomenon designated by it in modern Russian law. Based on the theoretical and legislative material considered in the article, as well as judicial practice, it is concluded that the concept of traditional family values, which initially had a purely ideological, propagandistic, political connotation, after its inclusion in the text of the Constitution of the Russian Federation, has firmly entered the Russian legal discourse. It is established that the absence of the definition of traditional family values fixed in the law, the insufficiency and contradiction of attempts to define this concept in Russian law, on the one hand, complicates the solution of many theoretical and pragmatic tasks, including introducing an element of uncertainty into the law-applied practice. On the other hand, such legal uncertainty creates opportunities for systematic interpretation of this "rubber" formulation in order to counteract the destructive influence of non-traditional models of social behavior on the norms of family morality accepted in Russian society.

Keywords: family, value, tradition, conservatism, novels of the Constitution of the Russian Federation.

Понятие традиционных ценностей в качестве официального слогана впервые было упомянуто Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в его Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 2013 г. В этом обращении в качестве одной из важнейших целей государственной политики определялась защита «традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа»¹. Здесь же главой государства были перечислены данные ценности, среди которых упоминались также *ценности традиционной семьи*.

Начиная с этого момента в выступлениях как президента, так и других высших должностных лиц фигуры речи: «ценности семьи – это важно», «семья – это основа основ», «важно сохранить традиционные ценности семьи», «традиционные семейные ценности стали новой идеологией России» и т. п. – приобрели регулярный характер. В официальных СМИ началось, по образному выражению известного отечественного социолога Л. Г. Ионина, «сентиментальное воспевание семейных ценностей» [3].

Упомянутое словосочетание начинает регулярно употребляться в официальной сфере. Например, в 2017 г. Президент Российской Федерации высказался в пользу традиционных семейных ценностей на заседании Совета глав СНГ², повторив этот тезис и на своей инаугурации в 2018 г., дав при этом обещание уделять внимание «поддержке традиционных семейных ценностей»³. Подобные высказывания в той или иной мере начали определять стиль многих последующих публичных выступлений первых лиц государства и официальных текстов на эту тему.

Таким образом, именно коллокация⁴ традиционных семейных ценностей была выбрана в качестве идеологемы, мировоззренческой установки, заключающей в себе один из фундамен-

тальных смыслов конструкта новой идеологии российского государства.

Интуитивный выбор властями именно «твердыни» традиционных семейных ценностей в качестве важного нарратива официальной идеологии вполне оправдан, поскольку их признание и поддержка политическим руководством позволяет, помимо прочего, рассчитывать на успешное решение широкого спектра стоящих перед государством задач демографического, экономического, идейно-духовного, оборонного, правоохранительного характера. Семейные ценности, обеспечивая социальную и культурную преемственность поколений, являясь основами общественного консенсуса, выступают фактором стабильности и устойчивого развития многонационального народа России. Опора на эти ценности в социальном, правовом и политическом пространствах позволяет обществу и государству избежать подчинения чуждым ценностным системам и сохранить национальный ценностный суверенитет.

В 2014 г. понятие традиционных семейных ценностей впервые вводится и в юридический оборот в утвержденной Правительством Российской Федерации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁵ (далее – Концепция 2014 г.), в которой даже была сделана первая попытка (представляющаяся не совсем удачной) легально определить это понятие.

С 2020 г. новая словесная формулировка нашла свое отражение в законе высшей юридической силы – в Конституции Российской Федерации (речь идет о появлении прямого упоминания традиционных семейных ценностей в статье 114 Конституции в связи внесением в нее поправок в марте 2020 г.⁶), а также в норме статьи 1 новейшей редакции Федерального конституционного закона «О Правительстве Рос-

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. – № 282. – 13.12.2013.

² См.: Заседание Совета глав государств СНГ в расширенном составе. 11 октября 2017 г. – URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55818

³ См.: Российская газета. – № 97. – 07.05.2018.

⁴ Коллокация – устойчивое, часто встречающееся сочетание слов в речи, формирование которого обусловлено понятийной системой области знания, где оно используется [5].

⁵ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. №1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.09.2014. – № 35. – ст. 4811.

⁶ См.: Пункт «в», часть 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.).

сийской Федерации»¹ (принятой в ноябре того же года).

Тем не менее это не внесло ясности в вопрос трактовки традиционных семейных ценностей, так как ни в одном из этих законодательных актов не уточняется, что же понимается под данными ценностями.

Справедливости ради стоит отметить, что такому умолчанию законодателя есть объяснение. В первую очередь это связано с тем, что такие акты, как Конституция и Федеральный конституционный закон, в своей сущности предназначены для закрепления наиболее общих правовых норм. В них, как правило, нет подробных и детальных правил и дефиниций.

Кроме того, изначально затруднительно точно очертить концепты или хотя бы дать дефиниции, т. е. краткие терминофиксирующие тексты [6], определения таким словам, как «традиции, традиционные», «семья, семейные», а также конкретизировать, казалось бы, вполне очевидную лексему слова «ценности». Это связано с тем, что они по-разному определяются в различных персональных и институциональных дискурсах (политическом, социологическом, религиозном, философском, пропагандистском, юридическом и др.).

Требования к слову, предлагаемому в качестве *юридического термина*, должны по возможности обеспечить такие его свойства, как однозначность, слабую зависимость от контекста, стилистическую нейтральность, определенную семантическую (смысловую) унифицированность, встроенность в общий контекст специальной юридической лексики и соответствие ее иным общепринятым канонам. Другими словами, требования к терминам, которые используются в юриспруденции, существенно жестче, чем те, которые предъявляются к ним в политической, медийной и бытовой сферах.

Эту особенность терминологии, используемой в пространстве права, емко охарактеризовал исследователь ее проблематики В. Ю. Туранин, указывая на то, что «...для юридических текстов характерна особая терминологическая плотность, а также роль контекста, которая яв-

ляется достаточно значимой в юридических дискурсных практиках» [10].

С учетом именно этой специфики юридических дискурсных практик и должно быть раскрыто правовое содержание лексической номинации традиционных семейных ценностей, что, однако, весьма сложно сделать по целому ряду причин.

Во-первых, представляется весьма затруднительной формализация таких вариативных явлений, как семья, ценности, традиции, особенно если учитывать, что смысл каждого из них изначально носит скорее философский, политический, пропагандистский, чем правовой характер.

Во-вторых, в данном терминологическом словосочетании с точки зрения юридической техники трудно выделить детерминант, который, обладая семантической силой, притягивал бы к себе другие элементы этой коллокации. Таким детерминантом здесь в одинаковой степени можно считать как слово «семейные», поскольку оно определяет круг отношений, к которому это понятие относится, так и слово «традиционные», ставящее акцент на ретроспективности, фундаментальной историчности данного явления, и, конечно же, слово «ценности», выражающее сущностную составляющую этой лексической номинации.

В-третьих (и это, наверное, ключевая сложность), сегодня по-прежнему нет ясности в определении состава традиционных семейных ценностей, что делает весьма затруднительным формулирование адекватной дефиниции рассматриваемого понятия, основанной, как это общепринято полагать, на выделении его *наиболее существенных признаков*². Уяснить эти существенные признаки в отношении традиционных семейных ценностей, не разобравшись, какие именно ценности к ним причисляются, практически невозможно.

Конечно, легальное установление дефиниции того или иного юридического понятия не является непрямым. Российское право, и в первую очередь, пожалуй, такие его отрасли, как кон-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.11.2020. – № 45. – ст. 7061.

² Определения понятий дефиниции и ее признаков см., например: Гришечкина Г. Ю. Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. – 2010. – № 1. – С. 120–121; Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Русский яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1 : А–Й. – С. 394.

ституционное право и семейное право, содержат немало терминов, которые вообще никак не дефинированы в законодательстве. Например, сегодня отсутствуют какие-либо юридические определения упоминаемых в законах понятий демократического государства, правового государства, прав и свобод, семьи, брака, члена семьи, взаимной любви и уважения и т. д.

Более того, зачастую даже в тех случаях, когда нормативно-правовые формулировки у многих понятий вроде и имеются, но они не отвечают критериям ясности, однозначности, непротиворечивости, чем создают широкое поле для субъективного усмотрения правоприменителя. Однако проблемы здесь во многом устраняются благодаря тому, что на практике многие такие пробелы, а также общие, «каучуковые», термины и отдельные неудачные формулировки, содержащиеся в некоторых законах, обретают конкретику либо в подзаконных нормативных правовых актах, либо в правовых позициях компетентных судебных органов. В настоящее время во всех этих источниках каких-либо внятных правовых норм и значимых правоприменительных решений по рассматриваемому в данной публикации вопросу традиционных семейных ценностей весьма мало.

Одним из немногих исключений здесь является, например, относящееся к 2008 г. первое упоминание семейных ценностей в тексте принятой Распоряжением Правительства Российской Федерации «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹, которая определила в качестве одного из приоритетов государственной политики в области развития СМИ «традиционные культурные, нравственные и семейные ценности». При этом каких-либо разъяснений о сущности этих ценностей в данной Концепции нет.

В дальнейшем семейные ценности стали также объектом правового регулирования принятого в 2010 г. Закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», статьей 5 которого к информации,

запрещенной для распространения среди детей, отнесена, помимо прочей, информация, «отрицающая *семейные ценности*, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи»². Вместе с тем в этом законе, как и в большинстве нормативных правовых актов (далее – НПА) по данной тематике, не было раскрыто содержание семейных ценностей, что создало предпосылки к возникновению противоречивых подходов в правоприменительной практике к трактовке формулировки «информация, отрицающая семейные ценности» ввиду низкой степени ее определенности.

Так, суды в отдельных своих решениях к такой информации относили пропаганду гомосексуализма³, а также информацию о преимуществах трансгендерности и педофилии по сравнению с традиционными семейными отношениями⁴, что вполне логично, но не имеет прямых, буквальных правовых оснований, при том что эти традиционные семейные отношения, равно как и семейные ценности, нигде юридически не были четко определены.

Термин, звучащий буквально как «традиционные семейные ценности», в его самостоятельном полноценном значении впервые был юридически закреплён в уже упомянутой нами выше Концепции 2014 г.⁵

В этом же документе была предпринята первая попытка раскрытия данного термина в том смысле, что «...к традиционным семейным ценностям <...> относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. от 28 сентября 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.11.2008. – № 47. – Ст. 5489.

² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.

³ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 87-АПГ12-2.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2015 г. № 46-АПГ15-39.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.09.2014. – № 35. – Ст. 4811.

заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению».

Ответственный за разработку Концепции 2014 г. тогдашний Министр труда и социальной защиты Российской Федерации М. А. Топилин, комментируя это определение традиционных семейных ценностей, отметил, что «... над этой конструкцией, над этой формулировкой достаточно долго эксперты работали, и мы попытались здесь учесть все необходимые позиции...»¹.

Складывается, однако, впечатление, что этих подлежащих учету позиций (можно предположить, что это вопросы в основном финансового, административного и иного узковедомственного характера) было так много, что итоговая формулировка породила больше вопросов, чем дала ответов.

Например, из ее текста трудно уяснить, являются ли все перечисленные в этом определении позиции совокупными признаками брака как традиционной ценности, или они относятся к ценностям только самого брака как такового, или же вообще являются отдельными традиционными ценностями наряду с браком.

Также не совсем ясно, можно ли, исходя из буквального смысла данного определения, считать традиционной семейной ценностью только брак, а иные, наиболее часто упоминаемые в экспертной среде традиционные ценности, такие как семья, позитивное родительство, приоритетное семейное воспитание ребенка, возможно, равноправие мужчин и женщин и др., в связи с умолчанием о них в Концепции 2014 г. к таковым не относятся.

Кроме того, в тексте данной Концепции неоднократно встречается немало иных, близких по смыслу к традиционным семейным ценностям формулировок, которые плохо взаимосвязаны как с самим этим понятием, так и друг с другом. Речь идет о терминах: «традиционные ценности семьи и брака», «семейно-нравственные ценно-

сти», «ценности семейной жизни», «ценности семейного образа жизни». Присутствие такого большого набора созвучных понятий в одном нормативном акте без установления разницы между ними не только создает сложности в толковании норм этого документа, но и вносит дополнительную путаницу в и без того противоречивую и разнообразную ситуацию с неустойчивым дефинитивным аппаратом в данной сфере правового регулирования.

На этом нормативно-правовые основы дефинирования понятия традиционных семейных ценностей фактически исчерпываются. Точнее сказать, буквального дефинирования, поскольку в недавнем Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) дано легальное определение родственного понятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые предложено также сокращенно называть традиционными ценностями.

В пункте 4 Указа № 809 приведена следующая дефиниция: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»².

Далее в пункте 5 этого нормативного правового акта перечислены 17 ценностей, среди которых к традиционным семейным ценностям может быть отнесена разве что такая ценность, как *крепкая семья* и с определенной долей допущения еще одна ценность – *преемственность поколений*. И еще в пункте 24 упоминаются традиционные семейные ценности (в том числе защита *института брака как союза мужчины и женщины*). Но и только.

Этому имеется объяснение, ведь рассматриваемый документ посвящен духовно-нравственным, а не семейным ценностям, что далеко не одно и то же. Кроме того, разработчики ак-

¹ Стенограмма выступления министра труда и социальной защиты Российской Федерации Максима Топилина на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 08.08.2014. – URL: <https://mintrud.gov.ru/social/family/133>

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

та составили весьма субъективный и поэтому далеко не полный перечень ценностей. Иначе как объяснить тот факт, что ими забыты многие иные важные традиционные духовно-нравственные ценности, которые также являются и традиционными семейными ценностями. Например, очевидный духовно-нравственный подтекст имеют такие семейные ценности, как любовь, супружеская верность, уважительное отношение к старшим [2], забота о родителях [8], взаимная моральная поддержка членов семьи и др. В целом можно отметить, что именно в смысле уточнения понятий и перечня традиционных семейных ценностей рассматриваемый Указ № 809 не содержит чего-то принципиально нового в сравнении с другими НПА и не позволяет прояснить наблюдаемую здесь неопределенность.

В таком случае можно пойти по другому пути – искать дефинитивные начала, на основе которых можно было бы создать конкретное определение традиционных семейных ценностей в пространстве *судебной практики*.

Так, установить перечень семейных ценностей в 2012 г. попытался Верховный Суд Российской Федерации, приравняв к ним отнесенные статьями 7 и 38 Конституции Российской Федерации объекты поддержки и защиты государства и причисленные статьей 1 Семейного кодекса Российской Федерации к основным началам семейного законодательства *семью, материнство, отцовство и детство*¹. Причем Верховный Суд Российской Федерации не обосновывал и не детализировал эту свою позицию.

Такой подход, однако, вызывает возражения, поскольку упомянутые в Семейном кодексе Российской Федерации основные начала семейного законодательства, в сравнении с семейными ценностями даже лингвистически, не говоря уже об их содержательном наполнении, суть разные понятия. В свою очередь, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что упоминание в Конституции Российской Федерации о государственной защите и поддержке данных семейных институтов отнюдь не означает их автоматического и неопременного признания именно ценностями. Их с таким же успехом можно считать, например, приоритетами, ориентирами, целевыми установками, но необязательно ценностями в строгом

смысле этого слова, которое предполагает их понимание скорее как неких эталонов (социальных, правовых и пр.). К тому же столь прямолинейное причисление к семейным ценностям собственно семьи, материнства, отцовства, детства, без уточнения конкретных параметров этих четырех понятий, создает чрезвычайно широкие границы для трактовок.

Если, допустим, согласиться с тем, что семейной ценностью, как предлагает Верховный Суд Российской Федерации, является детство, то встает вопрос: можем ли мы при данном подходе полагать ценностью такое крайне широкое понятие, как детство в любом варианте его закрепленных в социуме архетипических образов и культурно-исторических моделей (таких, как взрослый-ребенок, мать-дитя, триадическая взаимосвязь матери, отца и ребенка, детские дети, вечный ребенок, детство как рай и т. д.), или же императивно закрепляем только один из них? В ином ракурсе мы либо соглашаемся считать детством (в смысле ценности) произвольно выбранные нами элементы его известных формаций – первобытно-архаической, патриархальной, модернистской, постмодернистской, – либо берем в качестве используемого образца полностью какую-то одну из этих исторических версий детства? В каком из форматов: «родительского авторитаризма, «суверенитета ребенка» или «презумпции личности ребенка» – предлагается использовать в юридическом дискурсе ценность детства? В какой при этом ипостаси должно трактоваться детство: как ступень (этап, фаза) возраста, как целостный возрастной процесс, как телесно-духовное состояние человека (ребенка), как бытовой факт его жизни, как присущее ребенку качество детскости (ребячества) и т. д.?²

Позиция Верховного Суда не позволяет четко ответить на эти и на многие другие вопросы.

И это неудивительно, ведь в различных только гуманитарных сферах (не говоря об отраслях медицинской науки) обобщенное понятие дет-

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11.

² О трактовках и видах детства см. подробно: Кудрявцев В. Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 3. – С. 19–24; Нефедова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.13 / Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2005.; Лопсонова З. Б. Философско-педагогическая концепция современного детства // Вестник БГУ. – 2016. – № 1. – С. 50–59 и др.

ства открывается как сложный, разноаспектный, находящийся в постоянном саморазвитии феномен, представляющий собой не только многомерное социокультурное, но и физиологическое, и психологическое, и педагогическое явление, имеющее историческое происхождение и природу.

Отметим, что мы коснулись только понятия детства. А ведь точно с такими же, если не с большими трудностями неизбежно придется столкнуться при правовой интерпретации конституционных положений о семье, материнстве и отцовстве.

Возвращаясь непосредственно к понятию семейных ценностей, отметим, что упоминание о них встречалось также в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (буквально здесь использовалось словосочетание «ценности семьи»). Этот документ был введен Указом Президента Российской Федерации в 2012 г.¹, и в нем также не определялось каких-либо дефиниций данных ценностей и не давалось комментариев относительно их признаков.

Фрагментарные косвенные сведения в отношении традиционных семейных ценностей дают отдельные решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, правовая позиция на этот счет была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П. В ней он установил, что норма части 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации должна трактоваться в том смысле, что «семья, материнство и детство (далее по тексту Постановления упоминается также и отцовство – прим. авт.) в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства...»². Кроме того, Конституционный

Суд Российской Федерации указал, что «...именно на основе традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик Российская Федерация вправе решать отдельные вопросы законодательного регулирования...»³. Заметим, что здесь речь пока шла о ценностях и традиционных представлениях об этих ценностях, но не буквально о традиционных ценностях.

Эта правовая позиция впоследствии практически дословно дважды воспроизводилась в текстах других решений Конституционного Суда Российской Федерации: Постановлении от 20 июня 2018 г. № 25-П⁴ и Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3. Причем в последнем из них в контексте излагаемого материала относительно ценностей упоминаются также «сформированные социальные нормы, имманентной целью которых является сохранение и развитие человеческого рода». При этом суд заключил, что все то, что он определил в правовой позиции Постановления № 24-П от 23 сентября 2014 г., а также в упомянутом выше Заключении, относится в полной мере и к закрепленному в статье 114 Конституции Российской Федерации (после внесения в нее поправок 2020 г. – прим. авт.) полномочию Правительства Российской Федерации по обеспечению проведения политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей⁵. Иными

ке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 6. – 2014.

³ Там же.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 5. – 2018.

⁵ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федера-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.06.2012. – № 23. – Ст. 2994.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о провер-

словами, Конституционный Суд Российской Федерации распространил действие подходов, сформированных в своих прежних правовых позициях в 2014 и 2018 гг. касательно отдельных ценностей, и на традиционные семейные ценности, упоминаемые в новейшей редакции Конституции Российской Федерации.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации в упомянутых правовых позициях, с учетом их взаимосвязи, сформулировал ряд принципиальных положений:

1. Ценностями (в Заключении от 16 марта 2020 г. №1-3 – традиционными семейными ценностями) полагаются четыре социальных явления – *семья, материнство, отцовство и детство*. Нетрудно заметить, что Конституционным судом к этим ценностям отнесены только те семейные институты и практики, которые зафиксированы в тексте статьи 7 Конституции Российской Федерации (где семья, материнство, отцовство и детство упомянуты как объекты государственной поддержки), и потом также были продублированы в статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации. То есть Конституционный Суд Российской Федерации применил здесь сугубо формальный подход о включении в круг традиционных семейных ценностей только те из них, которые уже упомянуты (хотя и не под буквальным названием «ценности») в Конституции Российской Федерации и Семейном кодексе Российской Федерации. Не совсем понятно, однако, относит ли Конституционный Суд Российской Федерации к таким ценностям также институт брака? Этот институт, трактуемый судом как союз мужчины и женщины, упоминается в его Заключении от 16 марта 2020 г., но напрямую в данном решении ценностью не назван.

Кроме этого, неожиданно возникает еще одна проблема. Связана она с тем, что в своей правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации относит семью к ценностям, причем ставит ее в их ряду на первое место. Действительно, сама семья и семейственность являются

первостепенными и очевидно традиционными ценностями. Но буквальное прочтение положений модернизированной в 2020 г. нормы пункта «в» части 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации показывает, что в ее тексте фраза касательно проведения правительством политики в области «поддержки, укрепления и защиты семьи» вынесена вперед, она предшествует (через запятую) следующему за ней словосочетанию «сохранения традиционных семейных ценностей», из чего можно сделать вывод, что сам институт семьи законодатель к традиционным семейным ценностям формально не относит.

Возможны две причины возникновения такой ситуации. Первая из них состоит в объяснении этой расстыковки понятий семьи и традиционных семейных ценностей замыслом законодателя, заключающемся в его желании трактовать традиционные семейные ценности, как некие особо важные (ценные) традиционные семейные *практики*, в сохранении которых государство особо заинтересовано. При этом семья, по-видимому, не полагается такой практикой, а рассматривается законодателем как важнейший, нуждающийся в поддержке, укреплении и защите социальный институт, но все-таки не собственно традиционная семейная ценность сама по себе. Другое объяснение возникновения рассматриваемой коллизии связано с возможной технической ошибкой законодателя, который изначально полагал семью также традиционной семейной ценностью, но не совсем удачно выразил в анализируемом положении свою нормотворческую волю. Тогда, вероятно, здесь было бы уместным после слова «сохранение» поставить прилагательное «иных» («сохранения *иных* традиционных семейных ценностей»), что позволило бы установить смысловую взаимосвязь между двумя вышеупомянутыми формулировками рассматриваемой конституционной нормы.

Возможно, при написании и согласованиях проекта текста этой статьи ее вероятным скрытым противоречиям не придали значение, но теперь, когда упомянутая формулировка стала нормой Основного закона страны, возникла нестыковка между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, относящими семью к традиционным семейным ценностям, и собственно самой Конституцией, которая по тем или иным причинам формально выводит семью за пределы круга этих ценностей.

ции о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 2. – 2020.

2. Перечисленные в правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации социальные институты для их признания традиционными семейными ценностями, по мнению этого суда, должны трактоваться *в их традиционном, воспринятом от предков понимании*.

3. Упомянутые в рассматриваемой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации ценности являются, по его мнению, таковыми в силу того, что они *обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации* и даже шире – человеческого рода.

Представляется, что в двух последних положениях заключаются основные уязвимости позиции Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку «традиционное, воспринятое от предков понимание», «непрерывная смена поколений», «сохранение и развитие народа и человечества» – достаточно условные категории, которые в зависимости от контекста могут иметь разнообразные трактовки.

Весьма спорными также видятся сами критерии признания Конституционным Судом той или иной семейной институции ценностью. Такими критериями, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, предлагается считать «обеспечение непрерывной смены поколений» (в этом случае речь действительно может идти только о материнстве, отцовстве и детстве), а также весьма аморфный, если не сказать необъятный, принцип «сохранения и развития многонационального народа (человечества)», что позволяет, напротив, включить сюда большое количество семейных практик, в том числе архаичных и модернистских.

Таким образом, в настоящий момент в нормативно-правовой базе и в правоприменительной практике более-менее единообразного понимания сущности понятия традиционных семейных ценностей нет, равно как нет в них и оптимальных подходов к адекватному дефинированию этого новейшего правового термина.

Тем не менее, очевидна объективная необходимость легальной дефиниции рассматриваемого термина и формирования некоего закрепленного в законодательстве перечня традиционных семейных ценностей в обозримом будущем, поскольку отсутствие ясности в этих вопросах способно породить немало парадоксов и абсурдов судебной и административной практики.

Кроме того, произошедшее в 2020 г. включение в Конституцию нового юридического термина, каковым являются «традиционные семейные ценности», без его четкого определения существенно снижает значение этой новеллы для сферы правового регулирования. Длительная неопределенность в данном вопросе может создать повод для критических суждений о том, что новейшая поправка, касающаяся традиционных семейных ценностей, внесена в Конституцию Российской Федерации с исключительно пропагандистскими целями и призвана быть не столько нормой прямого действия, сколько одной из многих, увы, присущих отечественным конституциям деклараций.

Вместе с тем юридическая конструкция «традиционных семейных ценностей» актуальна, а ее включение в текст российской Конституции имеет практическое значение, связанное с тем, что она является существенным правовым аргументом в противодействии «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей»¹ в семейной сфере.

То есть с позиций защиты цивилизационно-ценностных накоплений российского общества от агрессивного, оскорбительного, навязчивого и иного деструктивного воздействия чуждых анти-семейных практик отсутствие императивно определенной в законе дефиниции «традиционных семейных ценностей» можно рассматривать не только в отрицательном, но и в положительном ключе. Ведь такая «каучуковая» конституционная формулировка позволяет посредством систематического толкования гибко использовать ее в правоприменительной практике, так как, с одной стороны, конечно, ее не вполне определенный смысл не позволяет однозначно установить круг традиционных семейных ценностей, но с другой стороны – содержание, «дух» этой нормы позволяет вполне однозначно установить, что к этим ценностям не относится и противоречит им.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

Список литературы

1. Гришечкина Г. Ю. Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. – 2010. – № 1. – С. 120–127.
2. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 3. – С. 67–74.
3. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. – М. : НИУ «ВШЭ», 2010.
4. Кудрявцев В. Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 3. – С. 19–24.
5. Левенкова А. Ю. Статус терминологической коллокации в теории сочетаемости // Научный альманах. Филологические науки. – 2015. – № 7 (9). – С. 1386–1394.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М. : ЛКИ, 2007.
7. Лопсонова З. Б. Философско-педагогическая концепция современного детства // Вестник БГУ. – 2016. – № 1. – С. 50–59.
8. Масленникова С. В., Матвеева М. В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12. – С. 23–29.
9. Нефедова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.13 / Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2005.
10. Туранин В. Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 1 (13). – С. 103–109.